

Таланты и поклонники

Уникальную книжку держу в руках. Внешне - ничего особенного: темно-синий картонный переплет, обычная газетная бумага. Но печать исполнена в машинописном варианте, что называется, «самиздат». 98 страниц. Стихи. Титульный лист гласит: «Александр Вертинский. Избранное». На обороте фотография певца и необычный автограф. Кто собрал эти тексты, снимки? Для чего?

Остались память и автограф

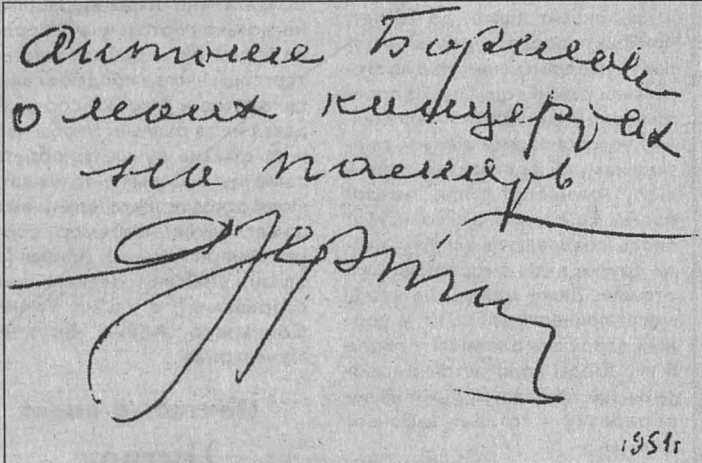
Станислав ГЛУШНЕВ

Это теперь можно зайти почти в любой книжный магазин или заглянуть на лоточно-палаточный развал и приобрести то, что ты любишь, что хотел бы постоянно иметь под рукой. В «роковые сороковые», да и послевоенные пятидесятые было далеко не так: дозированная и только определенную идеологию выражающая литература; Достоевский - факультативом и не для всех; Есенин - в переписанных тетрадочках, и читать так, чтобы никто не видел. Какой уж тут Вертинский, с его «упадочническим нытьем», эмигрант? Но в том-то и дело, что творчество этого замечательного исполнителя было близко многим своей душевностью, состраданием, любовью к прекрасному.

Когда Вертинскому разрешили вернуться в Советский Союз и он начал выступать с концертами, то на одном из них - это было в 1945 году в Киевском оперном театре - его впервые услышал и увидел на сцене Саша Филин, тогда совсем молодой человек, но Вертинским уже увлекающийся и знавший репертуар певца с довоенных времен. В семье Филиных очень часто отец, обладавший красивым баритоном, пел русские романсы и песни Вертинского, с которыми тот выступал еще в дореволюционной России. Понятно, что Саша был в восторге от концерта в опере. А второй раз «вживую» удалось послушать кумира во Львове, когда Филин уже учился во Львовском политехническом институте. Спустя некоторое время, уезжая по распределению на место своей работы в далекую Сибирь, грустил, что концерта Вертинского ему больше не услышать никогда.

В Кемерово ехал с немудреной поклажей - потертым чемоданчиком и рюкзаком, где кроме смены белья и прочих вещей лежала заветная тетрадка «Песни Александра Вертинского». В нее Саша переписал все из репертуара певца, что удалось найти. Свой первый самодельный сборник молодой человек с любовью оформил и даже вклеил портрет Вертинского, тайком вырезав из какой-то афиши. Очаровательная девушка Тоня Павлова, тоже приехавшая в Кемерово по распределению после окончания Московского историко-архивного института, стала вскоре его женой, и в морозный февральский вечер 1951 года оказались они среди счастливиц, доставших билеты «на Вертинского».

Зрителям, заполнившим зал

Дома культуры МВД, одетым в зимние пальто, полушубки, валенки, меховые сапоги, стало как-то неловко друг перед другом, когда занавес раздвинулся и появился Александр Вертинский - в черном фраке с белой бабочкой, аккуратно причесанный, с мягкой, покорно-страдальческой улыбкой. Но как только он запел, вся его фигура пришла в движение. Руки, словно дирижерские палочки, передавали то гнев, то смирение, то гордость, заложенные в необыкновенных словах песен. Что-то завораживающее исходило от певца, и его слушали с необычайным вниманием. После каждой песни зал взрывался аплодисментами, и, казалось, они согревали стылое помещение.

Как только завершилась первая часть концерта, Саша сказал жене: «Тонюша! Иди с тетрадкой сразу за кулисы и ищи костюмерную. Попро- си Вертинского расписаться на обложке. Хочется его порадовать нашим признанием».

Антонина открыла дверь костюмерной. В комнате полумрак. Не сразу разглядела сидевшего в углу на стуле человека, накрытого каким-то халатом. Вертинский медленно повернулся в ее сторону, спросил: «Что тебе, деточка?» «Александр Николаевич, - робко произнесла Тоня. - Поставьте, пожалуйста, на этой тетради свой автограф». Вертинский оживился: «О! Да тут солидное собрание моих песен!» «Мадам! - перешел он на восхищенно-торжественный тон. - Я вам глубоко симпатизирую. Как вас величать?» - «Антонина Борисовна».

Взяв ручку со столика, за которым сидел, Вертинский написал на обложке: «Антоше Борисовне о моих концертах - на память», - и расписался.

А больше поговорить не удалось - прозвенел звонок, и певец, скинув халат, устремился к зрителям.

Об изнурительном «гастрольном» труде Александра Вертинского его зрители тогда не догадывались - об этом стало широко известно общественности много позже, после публикации в 1991 году фундаментального литературно-художественного издания: «Александр Вертинский. Дорогой длиною...» (Стихи и песни. Рассказы. Зарисовки. Размышления. Письма), но о несправедливом замалчивании его имени в прессе, на радио знали хорошо.

Некоторые пристрастные критики его творчества теперь возражают: «А разве Вертинскому не давали проявить свои творческие способности в кинематографе? Ведь снялся же в фильмах «Заговор обреченных», «Анна на шее», «Олеко Дундич», «Плмя гнева». Однако как оценить тот факт, что в 1956 году Александр Николаевич Вертинский вынужден был обратиться с письмом к заместителю министра культуры СССР С. В. Кафтанову, наивно полагая, будто это должностное лицо может что-нибудь сделать, чтобы изменилось отношение к творчеству певца?! В письме Вертинский с горечью признавался «высокому начальству» именно в несправедливом отношении «чиновников от культуры» к его творческой деятельности, замалчиванию его концертов в прессе, непредоставлении ему права выступать по радио и записывать песни на пластинки для широкого круга почитателей.

Письмо это осталось без ответа, а весной 1957 года Александра Вертинского не стало.

Однако народная слава и признание, безмерно радовавшие певца, остались. Свидетельство тому - и раритет, хранящийся у москвичей Филиных. Им в этом году исполнилось по восемьдесят лет. Вертинского, как и прежде, любят. Родные и близкие их любовь разделяют.